

Добрыня и Змей (4)

Да бывало Казань слободой была,
Ныне Казань — славным городом.
Да во Казани был Микитушка,
Он, Микита, девеносто лет.
Всё до смерти он наказывал,
Своей жены молодой наговаривал:
«Ты останешься беременной,
У тебя родится чадо милоё,
Чадо мило, одинакоё,
Нарекем мы именем Добрынюшкой,
Да Добрынюшкой Микитицём.
Когда будет он на возрасте,
Да он будет на вóзлете,
Он заможет конём владать,
Он конём владать, копьём шурмовать.
Он захочёт бы за охотою,
За охотой погулятисе,
Да бы съездить во чыстó полё —
Не давай благословленьица
Ему ездить во чыстó полё,
Да выезжать за охотою.
Ну хошь и дашь ему благословленьица
И не дашь благословленьица —
Он захочет он бы ездить же,
Он ведь съездить во чыстó поле.
Он найдёт он дороженькю,
Все дороженькю широкою,
По которой я бы ездил нынь.
В ширину — <была> косá сажень.
В глубину как до пояса.
Нападут жáры-мáревы
Как бы те большилетныя,
Как захочёт он купатисе,
Он захочёт нырятьисе —
Пусть не едет нынь к Оки-реки:

Да река Ока зла-относлива,
Отнесет его, Добрынюшку,
Отнесет за перву́ струю,
Отнесет за другу́ струю,
Как ко тем горам высокиим
И горам Сороці́нскиим.
Тут прилетит змея к ему,
Она хочет его целком бы съись,
И целком бы его съись, да в хобота склонёт.
Он пущай сорвёт полынь-траву́,
Да полынь-тра́ву горькую,
Он сплетёт ныне плёточкю,
Он бы плётку троепрядную,
Троепрядну, троехвосткую.
Он тогда нырнёт во быстру́ реку́».

(Так или этак змея лютоедная хочет его сглонуть: «Целком, — говорит, — я тебя хочю сглонуть, али в хобота склонить».)

Он нырнул во Оку-реку,
Он нырнул во другой струи,
А опеть прыгнул во быстру реку,
Очутился на крутых горах,
Ко своему ко́ню доброму.

(Он будёт и так наказывать, что он будёт [плетку плести] <...> А прилетит эта змея-то опять сзади, так эти плётку-то <...> смолит пущай ей, дак <...> он побьет ей, а то никак не убить будёт.)

Тут неволги Микиты смерть случиласе,
Тут осталась молода жена,
Тут жена его беременна,
Тут и стала нынь беременна.
Как и стала на вóзности,
Как родила сына милаго,
Сына мила одинокаго,
Да Добрыньку Микитича.
Тут бы стал нынь детина на возрасте,
Да на возрасте, на вóзлете,
Захотелось ему нынь, <Добрыни-ти>,
Как бы съездить во чысто поле,

Нынь погулять по чысту полю,
Где-ка ездил родный батюшка.
Говорила родна матушка:
«Молодой ты Добрынюшка,
Ты не ездь во чысто поле,
Потеряшь буйну голову —
Тебя съест нынь змея лютая». —
«Ну-ка ты дашь мне благословленьца,
Я поеду во чысто поле,
И не дашь благословленьца
Ты с буйной главы до сырой земли,
Мне бы ездить во чыстом поле,
Во чыстом поле за охотою».
Ну и дала ему она благославленьце,
Ему матушка родимая
Да с буйной главы до сыроей земли,
Чтобы ездить во чыстом полё,
По котору ездил батюшка.
Тут уздал он, седлал коня,
Седлал кóня ныне доброго,
Распрощался с родной матушкой.
Вот наказывала нынь его бы мать,
Его родная матушка:
«Ты поедешь нынь, Добрынюшка,
Ты найдёшь ле ты дорожечкю,
По которой ездил батюшка,
В ширину-то нынь коса сажень,
В глубину — добру молодцу до пояса,
Там нападут как на тебя жары-марева,
Как бы те большилетные,
Ты захочёшь купатисе,
Ты захочёшь нырятисе,
Там найдешь нынь Оку-реку,
Да Ока-река зла-относлива,
Да не купайся в Оки-реки —
Отнесёт тебя за перву струю,
Отнесёт за другу струю.
Еще наказывал твой батюшко,
Он наказывал, наговаривал:

„Там ведь есть ле полынь-трава,
Там полынь-трава горькая,
Ты сорви-ко полынь-траву,
Да сплети-ко ты бы плеточку,
Троепрядну, троехвостую.
Ты положи во правый карман“».
Он-то простился с родной матушкой,
Он поехал во чисто полё.
Тут напали жары-маревы,
Как бы те большилетные,
Захотелось ему купатисе,
Захотелось ныряться.
Он подъехал к Оки-реки,
Скидал честнo платице,
Оставлял тут добра коня,
А он спустился во Оку-реку,
Да нырнул во быстру реку,
Отнесла его да перва струя,
Отнесла и да другая струя
Да ко тем горам высокиим,
Тем горам Сороцинскиим.
Тут вылетает змея лютая,
Всё змея лютоедная,
Тут бы хочет съись Добрынюшку:
«Я хочу тебя силком сглотать,
Хочу тебя да в хобота склонять!»
Тут нырнул бы наш Добрынюшка,
Отпрыгнул ко круту бережку,
Выходит ведь ко добру коню,
Тут надел он цветно платице,
Находил Добрынюшка да ведь полынь-траву,
Он сплетал бы плетку троепрядную,
Троепрядну плетку, троехвостую,
Он смолил смолой ту плетку троепрядную
И садился на добра коня.
Как летит тут змея лютая,
Тут змея лютоедная,
Она хочет съись Добрынюшку,
Да Добрынюшку Микитиця.

Он и вытащил нынь ту плеточку,
Да котора бы полынь-травы,
Стал стегать ее ведь крепко тут.
Как змея бы извивается,
Все Добрыне канаетсе:
«Ты прости меня, Добрынюшка,
Я и дам тебе города,
Города все с пригородками,
И села со деревнями!» —
«Мне не нать от тебя да ничего —
Застегаю тебя до смерти!»
Тут убил он змею-те лютоедную,
Застегал ее ныне до смерти.
(*Всё!*)

(Зап. Колпаковой Н. П.: 9 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.